

2018/4(80)

Дьявольская Дьяволия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ. Н.П. Зимина. Столетие архиерейской хиротонии первого единоверческого епископа священномученика Симона (Шлеева) Охтенского **2**. ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. В. Басенков. Единоверческая община города Кузнецка **11**. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. А.В. Баженов. К столетию мучениче-

ской кончины святых царственных страстотерпцев **16**. ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ. П.Г. Чистяков. Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской **26**. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ. А. Борзых, Л. Перфильева. Дневники Б.В. Шергина **30**. ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ. С.П. Молитва Ангелу Хранителю **38**.

На 1-й стр.: Священномученик Симон (Шлеев). Портрет Т. Чувашиевой. 2017 год (публикуется впервые)

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

СТОЛЕТИЕ АРХИЕРЕЙСКОЙ ХИРОТОНИИ
ПЕРВОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ЕПИСКОПА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
СИМОНА (ШЛЕЕВА) ОХТЕНСКОГО

16 июля 1918 года совершилось важнейшее в истории единоверия событие — в этот день Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон во время Божественной литургии в Александро-Невской лавре города Петрограда рукоположил первого единоверческого епископа Симона (Шлеева) Охтенского. На страницах наших изданий мы неоднократно обращались к жизнеописанию священномученика Симона, ставшего

не только первым единоверческим епископом, но и первым единоверческим священнослужителем, прославленным в лике святых Русской Православной Церкви. В нынешней серии публикаций мы предлагаем вниманию читателей фрагменты из книги Н.П. Зиминной «Путь на Голгофу» о достопамятных днях святительского служения священномученика Симона, а также новые исследования автора.

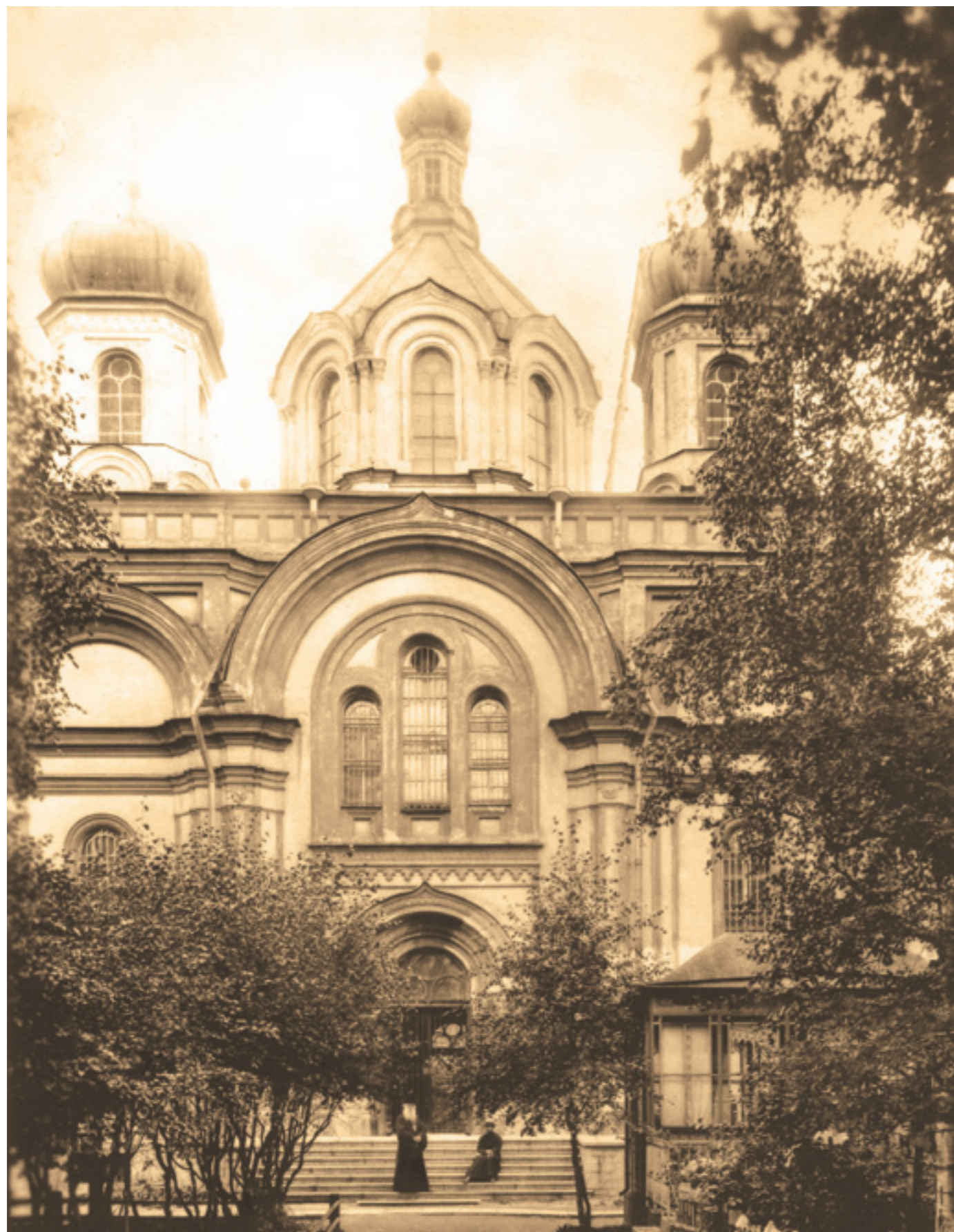
ВЫБОРЫ ВО ЕПИСКОПА. ХИРОТОНИЯ

15 марта 1918 года Петроградская единоверческая община (бывшее Единоверческое Братство) приняла постановление о возбуждении ходатайства перед епархиальным священноначалием об учреждении при Петроградской епархии, на основании Определения Поместного Собора, Охтенской единоверческой епископской кафедры. В целях обеспечения епископа Охтенского и канцелярии при нем общиной тогда же было принято решение о ежегодном ассигновании из своих средств трех тысяч шестисот

рублей и о безвозмездной передаче Охтенской кафедре принадлежащего общине доходного дома в Петрограде на углу Стремянной улицы и Дмитровского переулка. Постановление общины было сочувственно встречено духовенством и мирянами единоверческих приходов, тем более что вопрос об учреждении епископской кафедры уже много раз получал в их среде разрешение в смысле его крайней необходимости и неотложности (в частности, на единоверческом епархиальном съезде Петроградской епархии 10 июля 1917 года). 19 марта 1918 года

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин
Фотография 1918 года,
фотоателье Буллы

Церковь Пресвятой Троицы в кинонии Александровской лавры. 1900-е годы

было подано на имя митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина соответствующее ходатайство за подписями представителей общины, а также духовенства и мирян единоверческих приходов Петрограда.

На означенное прошение последовала следующая резолюция Его Высокопреосвященства от 2 апреля, за № 2121: «Согласен. Представить проект правил об избрании кандидата в единоверческие епископы на Охтенскую кафедру».

14 апреля в соединенном общем собрании общины с духовенством и мирянами единоверческих приходов Петрограда было постановлено принять проект вышеозначенных правил и представить его на благоусмотрение архиерея. Высокопреосвященный Вениамин резолюцией от 19 апреля, за № 2122, утвердил «Правила...» и разрешил созвать приходские собрания по выборам представителей приходов на епархиальное собрание во всех единоверческих церквях епархии в третью неделю по Пасхе (святых жен-мироносиц) после Божественной литургии. Епархиальное собрание представителей клира и мирян Владыка благословил созвать 31 мая.

Приходские собрания всех городских и сельских единоверческих приходов состоялись 19 мая. Кроме того, согласно «Правилам...», были избраны 12 представителей общиной (бывшим Единоверческим Братством), а также по одному представителю — реальным училищем и женской гимназией общины. Всего было избрано 79 представителей клира и мирян.

Еще 28 апреля, на основании «Правил...», состоялось совместное заседание единоверческого духовенства Петрограда с Советом общины, на котором была избрана исполнительная комиссия под председательством В.И. Комарницкого в составе шести членов, на которую были возложены обязанности по устройству и организации выборов. К 25 мая исполнительной комиссией от всех приходов, от отца благочинного, от председателя общины и от председателей педагогических советов учебных заведений были получены

официальные сообщения о лицах, имеющих право на участие в Епархиальном собрании представителей по выборам епископа.

30 мая в шесть часов вечера в здании реального училища председателем исполнительной комиссии собрание было открыто. Оно наметило (путем закрытой подачи голосов) трех кандидатов на Охтенскую единоверческую кафедру:

- протоиерея Симеона Шлеева (50 голосов);
- епископа Кирилловского Варсонофия (Лебедева) (6 голосов);
- старосту Петроградского Никольского, на Николаевской улице, единоверческого храма князя Алексея Ухтомского (1 голос).

Последнего впоследствии заменила кандидатура Василия Боголюбова, протоиерея единоверческой Покровской церкви города Петрограда.

На следующий день, 31 мая, после Божественной литургии, совершенной Владыкой Вениамином в Никольском храме, состоялись выборы кандидата в единоверческие епископы, в которых участвовал 71 выборщик (8 отсутствовали в основном по болезни). Абсолютное большинство голосов — 61 — получил протоиерей Симеон Шлеев, 8 — епископ Варсонофий, 1 — протоиерей В.Ф. Боголюбов. Волею Божией именно тому, кто столько сил, таланта и энергии положил на дело утверждения единоверческого епископата, кто в течение долгих лет вел нелегкую борьбу с непониманием и недоверием, выпала честь стать первым единоверческим епископом. Результаты выборов наглядно отразили истинное отношение единоверцев к отцу Симеону.

После подсчета голосов митрополит Вениамин огласил Акт избрания, где указано, что, согласно «Правилам...», кандидатом на Охтенскую епископскую кафедру избран протоиерей Симеон Иоаннович Шлеев. Собрание было завершено молитвой и благословением, преподанным Высокопреосвященным митрополитом членам Собрания и народу.

7 июня 1918 года Святейшим Патриархом и Священным Синодом Православной Российской Церкви было рассмотрено представление Преосвященного митрополита Петроградского (за № 3063, от 5 июня) об избрании кандидата на открываемую в Петроградской епархии кафедру Охтенского единоверческого епископа и принято постановление о назначении протоиерея Шлеева Охтенским единоверческим епископом, находящимся в подчинении Петроградскому митрополиту:

«Избранного Собранием представителей единоверческого клира и мирян Петроградской епархии на вновь открываемую кафедру Охтенского единоверческого епископа настоятеля Петроградской Никольской единоверческой церкви, протоиерея Симеона Шлеева, по пострижении его в монашество, назначить Охтенским единоверческим епископом с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в Петрограде, и с поставлением Охтенского епископа, на основании ст. 2 определения Священного Собора об единоверии, в зависимость от Преосвященного митрополита Петроградского...».

В начале июня отец Симеон был пострижен в мантию с именем Симон, а затем возведен в сан архимандрита.

Архиерейскую хиротонию кандидата в единоверческого епископа должен был возглавить Патриарх Тихон, которого ожидали в Северной столице. На приготовления к приему Первосвятителя, которые велись совершенно открыто, обратила внимание комиссия Урицкого по борьбе с контрреволюцией. В воскресенье 9 июня у себя дома был арестован председатель комиссии по приему Патриарха. В ночь на понедельник арестовали старосту почетной дружины и охраны при Патриархе Тихоне М.М. Колтовского. У него были изъяты списки представителей приходов, выразивших желание состоять в дружине. Над самим Святителем Тихоном сгустились тучи в Москве. 6 июня газеты сообщили, что Патриарху вручена повестка с приглашени-

ем явиться на следственную комиссию революционного трибунала. Предполагалось, что вызов находился в связи с недавним обвинением Святителя в контрреволюционной деятельности. Тем не менее 14(13?) июня он прибыл в Петроград.

В одной из первых же бесед с журналистами Северной столицы Патриарх Тихон сказал: «...Помимо общего характера возрождения церковной деятельности перед нашей Русской Православной Церковью восстают и другие вопросы исключительной важности. Таков, например, вопрос о примирении со старообрядцами. У нас, в малосведущем обществе, смешивают так называемых единоверцев со старообрядцами, которых еще недавно официально именовали раскольниками. Единоверцы – это те же православные люди, но только придерживающиеся при богослужениях старинных обрядов. Церковный Собор с охотой пошел навстречу давнишнему желанию единоверцев иметь не только своих отдельных единоверческих священников, но и отдельных епископов. Таких епископов на первое время будет пять. Это не значит, что единоверие откалывается от православия в иерархическом отношении. Единоверческие епископы будут такими же православными русскими архиереями, как и все остальные архиереи. Они будут подчиняться и всероссийскому Синоду и всероссийскому Церковному Собору, и будут признавать власть патриарха, но будут только самостоятельно править делами своей паствы. В субботу 2 июня [ст. ст.] в Петрограде в церкви Троицкого патриаршего подворья состоится наречение во епископа первого единоверческого архиерея в Петрограде, настоятеля Николаевской единоверческой церкви, протоиерея Шлеева. Титул его будет – епископ Охтенский, и он будет считаться викарием Петроградской митрополии. Что же касается настоящих старообрядцев, то примирение с ними весьма желательно, но разрешение этого вопроса зависит от восточных патриархов, т.к. на соборе, наложившем на старообрядцев клятву в 1652 году – участвовали

Святейший Патриарх Тихон. 1924 год

и восточные патриархи». Как сообщала газета далее, в тот же день Первосвященителя должны были посетить делегации от старообрядцев и единоверцев.

О последнем посещении свидетельствует обнаруженное в архивах написанное славянской вязью от руки приветственное послание Святителю Тихону от единоверцев Петрограда, подписанное архимандритом Симоном (Шлеевым) и еще десятью священнослужителями и мирянами и датированное 14 июня 1918 года.

*«Его Святейшеству
Святейшему Тихону, Патриарху
Московскому и всея Руси
от православных старообрядцев
(единоверцев) города Петрограда
Ваше Святейшество
Великий Господин и Святейший
Патриарх всея России!*

Православные старообрядцы (единоверцы) города Петрограда радостно приветствуют Ваш святительский приход в оставленную всеми, бывшую некогда великою и славною столицу Российского государства для духовного утешения верных чад святой Православной церкви, претерпевающих в нынешние, плача достойные дни великие испытания своей веры. Да будет благословен Ваш приход сюда! И да подаст Всещедрый и Всемилосердый Господь, чрез Вашу святыню, всем нам духовную бодрость и силу к перенесению ниспосланных испытаний!

В лице Вашего Святейшества петроградские единоверцы приветствуют восстановление канонического строя в Русской Православной церкви, возвращение к свято-русской церковной старине, к тому церковно-религиозному укладу жизни, который способствовал некогда сплочению русских людей и объединению их в великое государство.

Уповаем, что теперь Богу поспешествующе, рушится вековая презрада, разделявшая со времен патриарха Никона русских людей на два лагеря приверженцев двух обрядностей, что с объявлением соборной равночестности обоих обрядов исчезнет и самый предлог к разделению.

Верим, что с дарованием единоверцам самостоятельных епископов начнется действитель-

ное объединение в "единую веру" тех из находящихся в разъединении с нами братьев наших, которые в стремлении сохранить унаследованный от отцов уклад жизни церковной, доселе чуждались общения с нами.

Мы глубоко признательны и благодарны Вам, Святейший Отец, за Ваше святительское участие в хиротонии первого единоверческого епископа Охтенского Симона и за то отеческое отношение к нуждам единоверия, какое проявили Вы и на Поместном соборе в Москве и здесь в деле учреждения единоверческой кафедры в Петрограде.

Веруя в спасительную силу Святой Православной Церкви и ее непоколебимую благодатную мощь, которой и "врата адовы не одолеют", надеемся, что Господь сохранит верных Своих от потопления в свирепых волнах многомятежного моря житейского и под Вашим опытным управлением приведет спаситель-корабль Церкви Русской в тихое и небурное пристанище.

От всей души и всего сердца желаем Вам душевного спасения и телесного здравия.

*Многая лета Святейшему Патриарху
Московскому и всея России.*

Петроград

лета 1918 месяца июня в 1 день

Представители единоверческих приходов г. Петрограда архимандрит Симон, прот. Василий Боголюбов, прот. Иоанн Крючков, священник Алексей Шеляпин, священник Григорий Дрибинцев, дьякон Евгений Гордиенко, церковный староста Б. Охтенской Единоверческой церкви Николай Кольшикин, дьякон Петр Андреев, Михаил Диков, Дмитрий Закиматов, Николай Прохоров».

В 6 часов вечера в субботу, 15 июня, по возвращении из Кронштадта Патриарх Тихон совместно со всеми епископами, находившимися в Петрограде, совершил наречение архимандрита Симона (Шлеева) во епископа единоверческого Охтенского. В храме Троицкого подворья был поставлен покрытый сукном стол с возложенными на него Евангелием и крестом. С обеих сторон от стола стояли стулья, на которых во время обряда наречения сидели митрополит Вениамин и викарии Петроградской епархии еписко-

Патриарх Тихон в Петрограде. 1918 год

пы: Нарвский — Геннадий (Туберозов), Ладожский — Мелхиседек (Паевский), Ямбургский — Анастасий (Александров) и Лужский — Артемий (Ильинский). Для Святейшего Патриарха прямо против стола поставили кресло. Святитель Тихон был облачен в мантию Патриарха Иоакима, возглавлявшего Русскую Церковь в конце XVII века.

После прочтения соответствующей грамоты Святейшего Патриарха и Священного Синода Святитель Тихон возгласил ектению и молился о нарекаемом архимандрите Симоне. По завершении обряда все архиереи и нареченный епископ Симон прошли в покои, занятые Патриархом, где состоялась непродолжительная беседа.

На следующий день, в воскресенье 16 июня, в Троицком соборе Александроневской лавры в сослужении митрополита

Вениамина и всех четырех викарных епископов, а также братья лавры и множества белого духовенства Святейший Патриарх Тихон совершил Божественную литургию и хиротонию архимандрита Симона во епископа Охтенского — по старопечатным книгам.

Петроградские власти, угрожая расстрелом, запретили крестные ходы. Несмотря на это, изо всех церквей города крестными ходами народ направился в Александроневскую лавру. На последнюю патриаршую службу, кажется, собрался весь православный верующий Петроград. Современники вспоминали впоследствии: «Кажется в этот день вся церковь причащалась и пошли с крестным ходом все. По пути крестные ходы соединялись, на Невском не было видно начала и конца толп, с духовенством, с хоругвями и иконами. В Лавре собор, весь

двор и все прилежащие улицы — все было переполнено народом, пели два хора, патриарший и синодальный, облачения были из "великой ризницы".

«Над Лаврой гудел большой соборный колокол, возвещавший начало патриаршего богослужения. С величайшим трудом можно было протиснуться под высокие глубокие торжественные своды собора Святой Троицы, в золотых звездах праздничных огней. В глубокой тишине звенел голос чтеца, читавшего часы. Посреди собора на высоком амвоне одиноко стоял Патриарх в тяжелом розово-золотом саккосе Филарета Никитича, в глубокой митре, расшитой мерцающим жемчугом, с высоким бриллиантовым крестом, в златокованом омофоре — словно вышедший из древнего киота. В нем не было ничего земного, ничего здешнего, и я тщетно искал в нем черты Тихона Ярославского, которого некогда знал.

Это был другой, новый, незнаемый — святитель древней Руси. Исхудалое ясное лицо, озаренное внутренним светом; и чувствовалось, что свет этот — свет московской Руси, ожившей после двухвекового сна. Патриарх стоял прямо, чуть приподняв лицо к алтарю, и в этом стоянии его пред Господом была несокрушимость великого обетования о том, что "врата адовы" не одолеют.

Патриарх совершил хиротонию единоверческого епископа Охтенского: в тишине внятно звучали слова патриарших молитв, произнесенных голосом, после которого все другие казались слишком простыми, слишком обыкновенными... Стройно, протяжно, как орган, пел митрополичий хор, и в праздничных клубах синеватого молитвенного фимиама неподвижно стоял предстатель за всю русскую землю, облеченный великой чашей народного горя».

При вручении жезла новому Преосвященному Святейший сказал очень теплое слово о значении и важности архиерейского

служения, отметив при этом: «Стремление православных старообрядцев, насчитывающее столетнюю давность, иметь своих епископов ныне осуществляется. Многие боялись и боятся того, что назначение единоверческих епископов поведет не к объединению, а к разъединению. Эти опасения не основательны. Наша вера одна и та же, православная. Верующим людям нужно понимать друг друга, и новому епископу на своем пути предстоит напряженный труд» /.../

После службы Патриарх и новый епископ, обойдя внутренними ходами, вышли на балкон здания против Троицкого собора и благословляли выходящий из храма народ. «Скоро все пространство между собором и балконом, двор и зеленые лужайки были сплошь покрыты стоящими на коленях людьми, хоры продолжали петь, Патриарх — благословлять, вся картина — освещена ярким солнцем. Описать настроение невозможно, среди мрака всей жизни — такая радость!» /.../

Где были теперь обвинители отца Симеона в карьеризме, в стремлении к личной выгоде и почестям, прежнее злословие которых рассыпалось в прах? Принимая епископский сан в те дни, когда уже полыхала гражданская война, Владыка Симон хорошо понимал, что неизбежно подвергнется преследованиям и гонениям, ведь с первых же дней установления безбожной власти в России стали приходить известия о мученической гибели священнослужителей, о страшных гонениях на Церковь. /.../

Задолго до революции в беседе о мучениках со своим двоюродным братом, протоиереем Григорием Шлеевым, отец Симеон сказал следующие, оказавшиеся пророческими слова: «Может быть, и меня когда-либо Господь сподобит принять мученический венец, это будет радостью моей жизни». Принятие епископского сана в условиях наступившего времени неизбежно означало путь на Голгофу.

Продолжение следует

Нина Павловна Зимина

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВЛАДИМИР БАСЕНКОВ

ЕДИНОВЕРЧЕСКАЯ ОБЩИНА ГОРОДА КУЗНЕЦКА

В нынешнем году исполняется пять лет со дня освящения Крестовоздвиженского единоверческого храма города Кузнецка. В первом номере нашего издания настоятель Кузнецкой общины священник Варсонофий знакомил читателей с историей единоверия в этом городе, а в настоящем номере мы

предлагаем статью Владимира Басенкова о современном состоянии Крестовоздвиженского прихода. Владимир много путешествует по различным единоверческим общинам и свои путевые заметки и впечатления планирует изложить в альманахе, рассказывающем о единоверии в наши дни.

После архиерейской службы с Владыкой Нестором. Фото 2017 года

На Вербное воскресенье приехали в Кузнецк. Именно от свечи веры Крестовоздвиженской единоверческой общины затеплилась наша, Симбирская. Старообрядный храм, в духе скрытников прошлых веков, скрыт среди частного сектора, во дворе дома священноинока Варсонофия (Яшина). В здании бывшей кожевенной мастерской, позже ставшей

моленной, а затем и полноценным храмом, как чудо из таинственного ларца, поместились и трапезная, и библиотека, и небольшой паломнический центр. На карту «Сокрытой Руси» нужно было наносить новые сведения. После вечернего богослужения у меня появилась такая возможность.

— Отче, а что такое единоверие простым языком?

Священноинок Варсонофий вручает епископу Нестору икону священномученика Симона Охтенского
Фото 2017 года

— Это церковь, которая объединяет. Тетя Римма (уставщица общины старообрядцев белокриницкого согласия Кузнецка. — Прим. авт.) сказала мне однажды: «Я поняла, что в единоверии правда, что его не любят ни с одной из сторон, но здесь сохраняется древний богослужебный обряд». Единоверие древнерусскую Церковь открывает для всех. Если человек ищет принадлежности не к какому-то направлению в старообрядчестве, а именно древнерусской молитвы, то он придет в единоверие. Нас кроме молитвы ничего не должно объединять. В Церкви на первом месте молитва. Все остальное, кто к кому принадлежит — это уже несколько другое.

Отец Варсонофий — «идейный» старообрядец. Он вырос в семье представителей белокриницкого согласия. С малых лет участвовал в богослужениях, набирался духовного опыта от дедушек и бабушек.

В зрелом возрасте стал уставщиком. Увы, несмотря на все потуги старообрядцев, священник, окормлявший общину в Кузнецке, открыть храм не позволил. Отец Варсонофий осознавал, что сохранить «старую веру» было возможным лишь в единоверии. На тот момент правящим архиереем Пензенской епархии был архиепископ Филарет (Карагодин). Он и дал благословение на создание в Кузнецке единоверческой общины. Будущий единоверческий священник все еще ходил в белокриницкую моленную, но понимал, что древнее благочестие нужно сохранять через единоверие. Благодаря письму на имя митрополита (сегодня — Патриарха) Кирилла, на тот момент возглавлявшего Комиссию по взаимодействию со старообрядчеством, община получила регистрацию 6 апреля 2007 года как Никольская единоверческая.

Клирошане на встрече архиерея
Фото 2017 года

— У нас была «десятка» людей, необходимая для регистрации общины, — вспоминает отец Варсонофий. Сложилась команда единомышленников. Были люди со старообрядческими корнями, были и интересующиеся из общеправославных приходов.

Община нашла подходящий участок под строительство храма. В 1920-х годах именно в тех местах большевики расстреливали духовенство. За проектом поехали аж на Украину, в Святогорскую лавру. Архиепископ Арсений (Яковенко) дал проект. «Вы затеваете такое дело, какое не каждому архиерею под силу. У вас не просто храм, а место объединения людей в молитве», — говорил владыка приехавшим к нему единоверцам.

— Владыка предрек нам сложный путь. Я сначала этого не понимал: дали проект, мощи, власти выделили землю... Все было безоблачно! Отец Климент, благочинный,

всем горожанам объяснил, что у нас за храм, дал интервью в газету, сказав, что храм строится как объединительный. 3 сентября состоялась закладка храма. Отслужили молебен святителю Николу и началась стройка. Пока строился еще и временный храм, каждое воскресенье мы совершали молебен под открытым небом, в жару, дождь и мороз. А в 2008 году была отслужена первая литургия! И начались регулярные богослужения.

Кому-то из прихожан, впервые оказавшихся на древнерусском богослужении, было тяжело стоять. А кто-то говорил: «Мы уходим со службы словно наполненные...».

В мае 2009 года у прихода начались проблемы. В начале августа того же года кузнецкие единоверцы были лишены возможности совершать богослужения в построенной ими часовне и строившемся

Епископ Нестор. Фото 2016 года

в то время каменном храме. Лишились икон, книг, утвари. Всего, что жертвовалось и кропотливо собиралось.

Оставшиеся члены общины начали собираться на молитву как раз в той кожевенной мастерской, которой суждено будет стать храмом. Только благодаря самоотверженности людей, их стремлению к Богу и поддержке со стороны прихода Архангела Михаила села Михайловская Слобода кузнечане духовно выжили, сохранили общину. Часто приезжал и поддерживал московский головщик и знаток знаменного пения Василий Сорокин. Молились в скромной моленной весь богослужебный круг. Собирали иконы. И на удивление, люди начали приходить в моленную, даже со стороны. И не только привыкшие к «катакомбным» условиям старообрядцы, но и обычные православ-

Чтец Тимофей Артамонов. Фото 2017 года

ные верующие. Для отца Варсонофия эти события стали подтверждением того, что единоверие необходимо. Общине даже удалось организовать воскресную школу.

В 2012 году Пензенскую епархию преобразовали в митрополию. На Кузнецкую кафедру был назначен епископ Серафим (Домнин). 9 сентября он пришел к общине в гости. А вскоре уставщик Владимир Яшин стал отцом Варсонофием...

Сейчас в общине более 50 человек. В маленьком, но уютном храме ежегодно совершаются архиерейские богослужения. Эту традицию установил нынешний правящий архиерей Кузнецкой епархии владыка Нестор. Он же назначил и постоянный день для этого торжества – 11 августа – Рождество святителя Николы Чудотворца (память об этом событии имеет сугубое значение и для

Кузнецкие богомольцы. Фото 2017 года

самого владыки, бывшего насельника Николо-Угрешского монастыря, где этот праздник был престольным). В этот день в Кузнецк со всех концов России съезжаются единоверческие священнослужители и миряне.

Ныне храм пополняется новыми прихожанами, которые со временем становятся активными членами общины.

Иконы жертвуются разными благодетелями. Архиереями, священниками, старообрядцами. Некоторых из жертвователей уже нет в живых. Их имена поминаются на каждой литургии. Иконописец Даниил Бирюков из Москвы расписал потолок храма.

Центр жизни общины – богослужение. Сильно объединяет общая трапеза. Это возможность поговорить, обсудить какие-то вопросы, пообщаться. Община – как боль-

шая семья. Поются духовные стихи. Этот пласт русской культуры, увы, во многих местах утрачен. Единоверцы Кузнецка дружны и поддерживают всех нуждающихся в помощи прихожан.

Община Кузнецка довольно самостоятельна. Отец Варсонофий самостоятельно изготавливает восковые свечи. Благодаря прихожанам Димитрию и Анне Синевым в церкви появились резные киоты и новые писанные иконы. Прихожане также шьют облачения. Кто-то неплохо разбирается в богослужебном уставе.

– Единоверие вышло из старообрядчества, – заканчивает беседу отец Варсонофий. – Старообрядцы сами просили этого благодатного церковного единства. С возможностью жить и молиться так, как это сотни лет делали благочестивые предки.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

А.В. БАЖЕНОВ

К СТОЛЕТИЮ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ СВЯТЫХ ЦАРСТВЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ

В 2018 году исполняется ровно век как вошла на Русскую Голгофу и в ночь на 17 июля 1918 году была зверски расстреляна семья последнего Российского императора Николая II.

В 2000-м году Русская Православная Церковь канонизировала всех членов Августейшей семьи в лике страстотерпцев.

Но несмотря на почти два десятилетия всенародного прославления царственных страстотерпцев еще существуют мифы в общественном сознании россиян по отношению к личности последнего российского Императора и членам его семьи. Искаженное сознание не только невоцерковленной части общества, но и немалой части право-

славных сограждан с невежественной легкостью оперирует неблагоприятными клише и ложными штампами в отношении Царской семьи, поставленными и подогреваемыми желтой прессой.

О необходимости передать нашим детям бесценный опыт Царской семьи, явившей всей своей жизнью нравственный подвиг, и о важности воспитания в молодом поколении стойкости к пропаганде и манипуляциям, говорят многие православные публицисты и церковные деятели. Именно нравственные ценности, носимые и передаваемые из поколения в поколения, и формируют будущее. Размышляя об актуальных проблемах в нравственной системе ценностей современной России, необходимо отметить опасность неуважительного отношения к истории своего Отечества, проявляющееся и в невежественном отношении к Царской семье. История, если ее используют как средство манипуляций, наполняется мифами. Мифы, оплетая ложью историческое сознание народа, возвращают огромный ком ценностных ошибок, которые в конце концов неизбежно ведут к фатальным для судеб России последствиям.

Одной из роковых ошибок, допущенных нашими предками сто лет назад, была недооценка этого фактора. К мифам и слухам относились снисходительно, в приличном обществе считалось недостойным обращать на это внимание. И незаметно ложь и клевета, распространяемые средствами массовой информации, специально направляемые в народ слухи, достигли такой критической массы, что сопротивляться этому стало невозможно. В Великой войне 1914–1918 годов мы проиграли не силе оружия, а силе пропаганды. Уинстон Черчилль писал о России: «Держа победу в руках, она пала на

землю заживо». Была совершена грандиозная ценностная подмена в международном масштабе, когда на место честной борьбы и межгосударственной конкуренции, на которые были способны только люди благородные, каковым был государь Николай Александрович, пришли подлость и предательство — такие идеологические орудия, использовать которые было немисливо для приличного человека.

Еще более полувек назад Б.Л. Бразоль в статье «Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах», изданной в 1958 году к сорокалетию убийства Императора Николая II и его Августейшей семьи, писал: «Не было той лжи, не было той клеветы, не было того пасквиля, которыми бы ни обливали Царское правительство, а за одно с ним и русский народ. Миллионы долларов, фунтов стерлингов, германских марок, французских франков, да и русских рублей было брошено иностранными банкирами, политическими проходимцами, революционными дельцами и бездельниками всех толков и направлений на бешеную антирусскую пропаганду, на свержение русской монархии и разорение русской государственности. Особенно же усилилась травля России в царствование Государя-Мученика, гуманнейшего Николая II, которого в западноевропейской и американской печати не стыдились называть "кровавым" и "тираном"».

Море лжи было вылитое на семью последнего русского царя. Его волны до сих пор захлестывают наше общество.

Основываясь на цифрах и фактах, на документальных свидетельствах современников и непредвзятых историков, ниже приводятся свидетельства достижений монархической России в царствование Государя Николая II.

В ОБЛАСТИ ДЕМОГРАФИИ И ФИНАНСОВ

В 1894 году в начале царствования Императора Николая II в России насчитывалось 122 млн. жителей. 20 лет спустя накануне Первой мировой войны население увеличилось более чем на 50 млн. человек.

Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1,41 млн.

рублей в 1897 году, без малейшего увеличения налогового бремени неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались более или менее на одном и том же уровне.

За последние десять лет до Первой мировой войны превышение государственных доходов над расходами составило 2,4 млрд. рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Императора Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 году к крестьянам от их бывших помещиков, а в 1914 году, с началом войны, и все виды питейных налогов.

В царствование Императора Николая II законом 1896 года в России была введена золотая валюта, причем Государственному банку было предоставлено право

В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В период между 1890 и 1913 годами в четыре раза увеличилась производительность промышленности. Ее доход не только почти сравнялся с поступлениями, получавшимися от земледелия, но товары покрывали почти 4/5 внутреннего спроса на мануфактурные изделия.

За последнее четырехлетие до Первой мировой войны количество вновь учреждавшихся акционерных обществ возросло на 132%, а вложенный в них капитал вырос в четыре раза.

В 1914 году в Государственной Сберегательной Кассе было вкладов на 2,236 млрд. рублей. Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 году около 70 млн. рублей; в 1913 году —

В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Накануне революции русское земледелие было в полном расцвете. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне 1914–1918 годов, сбор урожая хлебов удвоился. В 1913 году в России урожай

выпустить 300 млн. рублей кредитными билетами, не обеспеченными золотым запасом. Но правительство не только никогда не воспользовалось этим правом, но, наоборот, обеспечило бумажное обращение золотой наличностью более чем на сто процентов. Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, обмен кредитных билетов на золото не был приостановлен.

До Первой мировой войны налоги в России были самыми низкими во всем мире. Общая сумма налогов на одного жителя в России была более чем в два раза меньше, чем в Австрии, Франции и Германии и более чем в четыре раза меньше, чем в Англии.

около 620 млн. рублей (увеличение на 800%), а к 1 января 1917 года — 1,2 млрд. рублей.

Время царствования Николая II явилось периодом самых высоких в истории России темпов экономического роста. За 1880–1910 годы темпы роста продукции российской промышленности превышали 9% в год. По этому показателю Россия вышла на первое место в мире, опередив даже стремительно развивающиеся Соединенные Штаты Америки (нужно отметить, что по данному вопросу разные экономисты дают различные оценки, одни ставят на первое место Российскую империю, другие — США, но то, что темпы роста были сопоставимы — бесспорный факт). Французский экономист Эдмон Тери писал: «Ни один из европейских народов не достигал подобных результатов».

главных злаков был на треть выше, чем у Аргентины, Канады и США, вместе взятых.

В этот же период потребление сахара на каждого жителя повысилось с 4 до 9 кг в год. Накануне Первой мировой войны

Россия производила 80% мирового объема льна. Благодаря масштабным работам по орошению в Туркестане, предпринятым еще в царствование Императора Александра III, урожай хлопка в 1913 году покрывал все годовые потребности русской

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Император придавал большое значение развитию железных дорог. Еще в юности он участвовал в закладке знаменитой Сибирской дороги.

Сеть железных дорог в России покрывала 74 000 верст, из которых Великий Сибирский путь (8000 верст) был самым длинным в мире. В 1916 году, в самый разгар войны, было построено более 2000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый океан (порт Романовск) с центром России.

В Царской России в период с 1880 по 1917 годы, то есть за 37 лет, было построено 58 251 км дорог. За 38 лет советской власти к концу 1956 года было построено всего лишь 36 250 км дорог.

Накануне войны 1914–1918 годов чистый доход государственных железных дорог

текстильной промышленности, которая удвоила свое производство между 1894 и 1911 годами.

По производству основных сельскохозяйственных культур Россия вышла на первое место в мире, выращивая более половины производимой в мире ржи, более четверти пшеницы, овса и ячменя, более трети картофеля. Россия стала главным экспортером сельхозпродукции, первой «житницей Европы». На ее долю приходилось 2/5 всего мирового экспорта крестьянской продукции.

Успехи в сельскохозяйственном производстве явились результатом исторических событий: отмены крепостного права в 1861 году Александром II и Столыпинской земельной реформы в годы правления Николая II, в результате которой в руках крестьян оказалось более 80% пахотных земель, а в азиатской части — почти вся. Дарование крестьянам права свободно распоряжаться своей землей и упразднение общин имело огромное государственное значение, пользу которого, в первую очередь, сознавали сами крестьяне.

покрывал 83% годовых процентов и амортизации государственного долга. Надо добавить, что русские железные дороги, по сравнению с другими, для пассажиров были самыми дешевыми и самыми комфортабельными в мире.

В ОБЛАСТИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Промышленное развитие в Российской империи сопровождалось значительным увеличением числа фабрично-заводских рабочих, экономическое благосостояние которых, равно как охрана их жизни и здоровья, составляли предмет особых забот Императорского правительства.

Необходимо отметить, что именно в Императорской России, и при том в XVIII веке в царствование Императрицы Екатерины II (1762–1796), в первый раз во всем мире были изданы законы касательно условий труда: был запрещен труд женщин и детей, на заводах был установлен 10-часовой рабочий день и т.д. Характерно, что кодекс Императрицы Екатерины, регулировавший детский и женский труд, отпечатанный на французском и латинском языках, был запрещен для обнародования во Франции и Англии как «крамольный».

В царствование Императора Николая II до созыва первой Государственной Думы, были изданы законы по обеспечению безопасности рабочих в горнозаводской промышленности, на железных дорогах и на предпри-

ятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих. Детский труд до 12-летнего возраста был запрещен, а несовершеннолетние и лица женского пола не могли быть нанимаемы на фабричную работу между 9-ю часами вечера и 5-ю часами утра. В 1903 году были введены рабочие старосты, избираемые фабрично-заводскими рабочими соответствующих цехов. Существование рабочих союзов было признано законом в 1906 году.

Размер штрафных вычетов не мог превышать одной трети заработной платы. Штрафные деньги поступали в особый фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих.

По тому времени Императорское социальное законодательство было несомненно самым прогрессивным в мире. Тогдашний президент США Тафт за два года до Первой мировой войны публично заявил в присутствии русских высокопоставленных лиц: «Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В царствование Императора Николая II народное образование достигло весьма высокого развития. Менее чем за 20 лет кредиты, ассигнованные Министерству народного просвещения, с 25,2 млн. рублей возросли до 161,2 млн. рублей. Сюда не входили бюджеты учебных заведений, черпавших свои ресурсы из других источников (школы военные, технические), или содержащиеся местными органами самоуправления (земствами, городами), кредиты которых на народное образование возросли с 70 млн. рублей в 1894 году до 300 млн. рублей в 1913 году.

В начале 1913 года общий бюджет народного просвещения в России достиг по тому времени колоссальной цифры — полу-миллиарда рублей золотом.

Первоначальное обучение было бесплатным по закону, а с 1908 года оно стало обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 000 школ. В 1913 году число их превысило 130 000.

По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке первое место в Европе, если не во всем мире.

В ОБЛАСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ПРАВ И СВОБОД

По манифесту 17 октября 1905 года население России получило право на неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний, союзов. В стране росли политические партии, публиковались тысячи периодических изданий. Свободным волеизъявлением был избран парламент — Государственная Дума. Россия становилась правовым государством — судебная власть была практически отделена от исполнительной.

17 апреля 1905 года русский царь подписал не имеющий аналогов в иных конфессиях, кроме православия, указ «Об укреплении начал веротерпимости».

МИФ О СЛАБОСТИ ХАРАКТЕРА ЦАРЯ

Президент Франции Эмиль Лубе говорил: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но слабого. Это глубокая ошибка. Он имеет всегда задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видимой робостью царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает куда идет и чего хочет».

Царское служение требовало силы характера, которой Николай II обладал. Во время Священного Коронования на Российский Престол 27 мая 1895 года митрополит Московский Сергей в своем обращении к Государю сказал: «Как нет выше, так нет и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения. Чрез помазание, видимое да подается тебе невидимая сила свыше, действующая к возвышению твоих царских доблестей...». С. С. Ольденбург писал, что у Государя была железная рука, многих только обманывает надежда на ней бархатная перчатка. Наличие твердой воли у Николая II подтверждают события августа 1915 года, когда он принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего — против желания военной

верхушки, Совета министров и всего «общественного мнения». И, надо сказать, блестяще с этими обязанностями справился. Военный историк А. А. Керсновский писал: «История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения победы. Но она еще ни разу не встречала венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только терния».

Император много сделал для подъема обороноспособности страны, усвоив тяжелые уроки Русско-японской войны. Пожалуй, самым значимым его деянием было возрождение русского флота, которое спасло страну в начале Первой мировой войны. Оно произошло против воли военных чиновников. Военный историк Г. Некрасов пишет: «Необходимо отметить, что, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах на Балтийском море, германский флот не предпринял никаких попыток прорваться в Финский залив, с тем чтобы одним ударом поставить Россию на колени. Теоретически это было возможно, так как в Петербурге была сосредоточена большая

часть военной промышленности России. Но на пути германского флота стоял готовый к борьбе Балтийский флот, с готовыми минными позициями. Цена прорыва для германского флота становилась недопустимо дорогой. Таким образом, уже только тем, что он добился воссоздания флота, Император Николай II спас Россию от скорого поражения. Этого не следует забывать!»

Особо отметим, что Государь принимал абсолютно все важные решения, способству-

МИФ О ТОМ, ЧТО РОССИЯ БЫЛА ТЮРЬМОЙ НАРОДОВ

Россия была семьей народов благодаря взвешенной и продуманной политике Государя. Русский царь-батюшка считался монархом всех народов и племен, живших на территории Российской империи. Он проводил национальную политику на основе уважения к традиционным религиям, а это не только православие, но и ислам. Так, в частности, муллы были на содержании Российской империи и получали зарплату. Многие мусульмане воевали за Россию. Русский царь чтит подвиг всех народов, служивших Отечеству. Вот текст телеграммы от 25 августа 1916 года Генерал-губернатору Терской области Фрейшеру, которая служит тому ярким подтверждением: «Как горная лавина обрушился ингушский полк на Германскую железную дивизию. Он был немедленно поддержан чеченским полком.

МИФ О ТОМ, ЧТО РОССИЯ ПРИ ЦАРЕ ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В своей книге «Царствование Императора Николая II» С.С. Ольденбург писал: «Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что он при невероятно тяжелых условиях довел Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог».

Генерал Н.А. Лохвицкий писал: «...Девять лет понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей. Последний

ющие победоносным действиям, именно сам — без влияния каких-либо «добрых гениев». Совершенно необоснованно мнение, согласно которому русской армией руководил Алексеев, а Царь находился на посту Главкома ради проформы. Это ложное мнение опровергается телеграммами самого Алексеева. Например, в одной из них на просьбу прислать боеприпасы и вооружение Алексеев отвечает: «Без Высочайшего соизволения решить этот вопрос не могу».

В истории русского Отечества, в том числе и нашего Преображенского полка, не было случая атаки конницей вражеской части тяжелой артиллерии /.../

4,5 тысячи убитыми, 3,5 тысячи взятых в плен, 2,5 тысячи раненых. Менее чем за полтора часа перестала существовать железная дивизия, с которой соприкасаться боялись лучшие воинские части наших союзников, в том числе в русской армии.

Передайте от моего имени, от имени царского двора и от имени русской армии братский сердечный привет отцам, матерям, братьям, сестрам и невестам этих храбрых орлов Кавказа, положившим своим бессмертным подвигом начало конца германским ордам.

Никогда не забудет этого подвига Россия. Честь им и хвала!

С братским приветом Николай II».

Верховный Главнокомандующий Императорской Армии — Император Николай II сделал ту же великую работу за полтора года. Но работа его была оценена и врагами, и между Государем и его Армией и победой стала революция».

А. Елисеев приводит следующие факты: «Военные таланты Государя были в полной мере раскрыты на посту Верховного главнокомандующего. Уже самые первые решения нового главкома привели к существенному улучшению положения на фронте. Так, он

организовал проведение Вильно-Молодеченской операции (3 сентября – 2 октября 1915 года). Государь сумел остановить крупное наступление немцев, в результате которого был захвачен город Борисов. Им была издана своевременная директива, предписывающая прекратить панику и отступление. В результате был остановлен натиск 10-й германской армии, которая была вынуждена отойти – местами совершенно беспорядочно». «Но самое главное, – отмечает историк П.В. Мультигули, – войскам снова вернулась уверенность в способности бить немцев».

Россия стала выигрывать войну. После неудач 1915 года наступил триумфальный 1916-й год Брусиловского прорыва. В ходе боев на Юго-Западном фронте противник потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен полтора миллиона человек. Австро-Венгрия оказалась на пороге разгрома.

Именно Государь оказал поддержку Брусиловскому плану наступления, с которым были не согласны многие военачальники. Однако Николай II решительно поддержал Брусилова, и без этой поддержки знаменитый прорыв был бы попросту невозможен.

Историк А. Зайончковский писал, что русская армия достигла «по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития». Неприятелю противостояли более двухсот боеспособных дивизий. Россия готовилась раздавить врага. В январе 1917 года 12-я русская армия начала наступление с Рижского плацдарма и застала врасплох 10-ю германскую армию, которая попала в катастрофическое положение.

Начальник штаба германской армии генерал Людендорф, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Николаю II, писал о положении Германии 1916 года

Таковы беспристрастные цифры и неоспоримые факты, ознакомившись с которыми непредубежденный читатель придет к выводу, что вопреки систематическим

и о возрастании военной мощи России: «Россия расширяет военные формирования. Предпринятая ею реорганизация дает большой прирост сил. /.../

Бои 1916 года на Восточном фронте показали усиление военного снаряжения русских, увеличилось число огнестрельных припасов. Россия перевела часть своих заводов в Донецкий бассейн, чрезвычайно подняв их производительность.

Мы понимали, что численное и техническое превосходство русских в 1917 году будет нами ощущаться еще острее, чем в 1916 году. Наше положение было чрезвычайно тяжелым и выхода из него почти не было. О собственном наступлении нечего было и думать – все резервы были необходимы для обороны. Наше поражение казалось неминуемым... тяжело было с продовольствием. Тыл также тяжело пострадал. Перспективы на будущее были чрезвычайно мрачны».

Более того, как пишет Ольденбург, по инициативе Великого Князя Николая Михайловича еще летом 1916 года была учреждена комиссия по подготовке будущей мирной конференции, дабы заранее определить, каковы будут пожелания России. Россия должна была получить Константинополь и проливы, а также Турецкую Армению.

Польша должна была воссоединиться в личной унии с Россией. Государь заявил графу Велепольскому, что свободную Польшу он мыслит, как государство с отдельной конституцией, отдельными палатами и собственной армией.

Восточная Галиция, Северная Буковина и Карпатская Русь подлежали включению в состав России. Намечалось создание чехословацкого королевства; на русской территории уже формировались полки из пленных чехов и словаков.

попыткам иностранных и доморожденных недругов России оболгать как самого царя, так и период его правления, Россия в царствование Николая II достигла небы-

вало для начала XX века расцвета и роста благосостояния.

Однако несмотря на кричащую правду цифр и фактов стремление исказить историю приобретает сегодня новую силу. Личная жизнь императора Николая Александровича и в бытность его цесаревичем, и во время царствования хорошо известна и задокументирована. Никто, даже его убийцы, его политические противники, считавшие Государя виновником развала страны, никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергали сомнению его нравственную чистоту, благородство и идеальность его семьи. Сегодня же мы становимся свидетелями того, как и эта сфера жизни Государя покрылась толстым слоем клеветы. Поэтому важной и необходимой для всех людей доброй воли является задача и в себе самих, и в наших детях воспитать устойчивость к пропаганде и манипуляциям, привить вкус к сложным поискам ответов на непростые вопросы. В этом залог невосприимчивости к политическим манипуляциям и клевете на свою страну и ее историю.

Думающие и интересующиеся люди должны прикоснуться к подлинным историческим свидетельствам, не пересказам и интерпретациям, а беспристрастным документам, которые сегодня есть в открытых источниках, где можно ознакомиться с мыслями и словами царской четы и самим сделать выводы о том, что это были за люди. Как они любили, как они чувствовали, о чем мечтали. Помочь в этом может и созданный к столетию мученической кончины святых Царственных Страстотерпцев интернет-портал «Царская-семья.рф». Дневниковые записи, письма святых Царственных мучеников и воспоминания людей, близко их знавших, в противовес искаженной информации, рассказывают о реальных людях, их мыслях, надеждах, чаяниях и любви, дают ту информацию, на основании которой можно сделать независимый вывод о чувстве долга и уровне нравственности в семье последнего русского императора, о тех духовных скрепах, которые помогли Царской семье взойти на Русскую Голгофу и пройти свой путь к святости.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В 1771 ГОДУ

Продолжение, начало в номерах 1–3(77–79)

Иерусалимская икона Богоматери из Бронниц прославилась как чудотворная в 1771 году, когда Россию постигла большая беда – эпидемия чумы, унесшая множество жизней.

Эпидемия чумы началась в самом конце лета 1770 года. В то время чума, появившаяся в Молдавии, перешла границу Российской империи, чрезвычайно быстро распространилась по Украине, затем появилась и в Центральной России: в Брянске и Севске.

Московская губерния с юга была окружена заставами, были приняты карантинные меры, но они не помогли, и в самом конце 1770 года чума появилась на окраине Москвы, в Лефортове – 17 декабря 1770 года врачи Малого госпиталя на Введенских горах обнаружили, что несколько их пациентов больны чумой. Главный врач госпиталя донес об этом обер-полицеймейстеру Бахметеву, а он – главнокомандующему в столице графу Петру Семеновичу Солтыкову. Спустя несколько

План Бронниц. 1784 год

дней, 22 декабря 1770 года, Солтыков сообщил о начавшейся эпидемии императрице Екатерине II¹.

В январе 1771 года из-за наступивших холодов эпидемия пошла на убыль, но с наступлением весны чума снова стала распространяться и на сей раз появилась в самом центре Москвы. В марте 1771 года в Москве был установлен карантин, дороги были перекрыты и въезд в город был категорически запрещен. Но чума, несмотря на принятые меры, не прекращалась, и к лету того года унесла множество жизней. В Москве стали распространяться панические настроения, приведшие, в конце концов, к печально известному Чумному бунту, начавшемуся 15 сентября 1771 года. Во время Чумного бунта восставшими был убит правящий архиерей — архиепископ Московский и Калужский Амвросий (Зертис-Каменский).

В 1771 году чума началась и в подмосковных Бронницах. В сказаниях об Иерусалимской иконе Богородицы говорится о том, что первой исцелившейся перед этой иконой была некая женщина, москвичка,

получившая во сне повеление от Богоматери поехать в Бронницы, найти там Иерусалимскую икону и помолиться перед ней. Икона в то время находилась в часовне на городской площади и была всеми забыта. Женщина, осмотрев каменную церковь Архангела Михаила (в то время она еще не была собором) и кладбищенскую церковь, не нашла там нужную ей икону. Тогда ей посоветовали поискать в часовне — там, как гласит предание, находились старые иконы, не поместившиеся в собор (иконы для нового каменного храма были заказаны лучшим мастерам Оружейной палаты, среди которых были известные иконописцы Тихон Иванович Филатьев и Кирилл Иванович Уланов). Иерусалимская икона была найдена — и женщина, помолвившись, исцелилась. После этого чуда жители Бронниц стали молиться перед иконой о прекращении эпидемии чумы, совершили с ней крестный ход вокруг села — и болезнь прекратилась.

В двух сказаниях это событие описывается по-разному. Вот как о нем рассказывает протоиерей Василий Толгский:

«Однажды в Бронничи приехала издалека одна пожилая девица; Божия раба сия долгое время страдала тяжкою болезнью и нигде не могла найти себе исцеления. Но она крепко верила в милость Божию и ходатайство Царицы Небесной, и эта твердая вера не посрамила ее. В сонном видении явилась ей несколько раз Владычица и повелевала отправиться в Бронничи, отыскать ее икону "Иерусалимскую" и помолиться перед нею. И вот больная, не имевшая сил и возможности ни стоять, ни ходить без посторонней помощи, движимая лишь твердою верой и пламенной надеждою на милосердие Матери Божией и всех скорбящих Целительницы, предпринимает далекое и изнурительное путешествие в Бронничи. Приехавши сюда, она долгое время искала эту икону. Она осмотрела весь соборный каменный и кладбищенский деревянный храмы и нигде не могла найти ее. Наконец ей указали на старые иконы, сложенные в часовне. Она отправилась туда...

О радость! Здесь среди икон она нашла ту, которая указана была ей в сонном видении. При одном только взгляде на нее она почувствовала уже значительное облегчение и прилив сил настолько, что без посторонней поддержки быстро подошла к обретенной ею святыне, со слезами на глазах лобызая ее, горячо начала ей молиться, а руками своими принялась отирать с нее пыль и освобождать ее от налипшей грязи. Когда же, не переставая творить молитву, она окончила священную работу, то почувствовала себя совершенно здоровою и бодрою на удивление всех тех, которые были очевидцами ее страданий, когда высаживали ее из повозки.

Весть об этом чудесном исцелении с быстротой молнии облетела все окрестности. Отовсюду потекли толпы народа на поклонение новоявленной святыне. Святая икона "Иерусалимская" тут же принесена была в храм и с честью поставлена на приличествующем ей месте.

Событие это имело место в первой половине XVIII столетия. Полное же прославление Ее произошло несколько позже, [а] именно — в 1771 году. Памятный для русских этот тяжелый год! По лицу земли Русской свирепствовала тогда чума — этот бич Божий, наводящий смертельный страх на людей и выхватывающий сотни, тысячи жертв. Леденящий душу ужас и сковывающий

страх смерти царили повсюду. Неутешно, безнадежно стонала тогда Русская земля. Случалось, вымирали целые семьи и даже целые селения.

Зараза коснулась жителей и царского села Бронничи. Они в смятении не знали, что делать, наконец решились обратиться с соединенной молитвой к Пречистой Скоропослушнице, Матери Божией, и искать у Нее милостивой пощады и прекращения губительного зла. Решено было устроить общественное моление перед сею иконою "Иерусалимскую" Царицы Небесной. И вот в десятое воскресенье после Пасхи при огромном стечении молящихся икону эту обнесли в крестном ходе вокруг села и... дивное дело! Смертность прекратилась, и заболевавший этой ужасной болезнью более уже не было.

Благодарные бронничане в память этого чудесного события тогда же положили každогодно совершать крестный ход с сею иконою так же, как он был совершен в достопамятный год чумной смертности. На это духовное торжество ежегодно стекается в город великое множество народа из окрестных сел и деревень»².

Протоиерей Иоанн Добров рассказывает о чуде, произошедшем в 1771 году в Бронницах, несколько иначе:

«Существует предание, что до 1771 года бронничанская "Иерусалимская" икона Божией Матери находилась не в храме, а в часовне на городской площади. С этим преданием можно согласиться потому, что при перестройке нового каменного храма (около 1705 года), который в то время был очень невелик, старые иконы были вынесены в городскую часовню. В 1771 году, по преданию, в Москве одной больной девице, болезнь которой признана всеми врачами неизлечимой, в сновидении три раза являлась Пречистая Богородица, к Которой болящая обращалась с теплою молитвой об исцелении, и открыла ей, чтобы она, если хочет получить исцеление, отправилась в село Бронничи и там помолится бы перед святой иконою "Иерусалимской" Божией Матери об исцелении. При сем эта девица увидела и самую икону, от которой она должна была получить исцеление. И, действительно, болящая по приезде в город (тогда еще село), после молебствия перед иконою Царицы Небесной, которая в это время находилась в часовне, получила исцеление. Бронничанские священ-

Журнал Коломенской духовной консистории. 1771 год.

Упоминание о крестных ходах в Бронницах во время эпидемии чумы. Государственный архив Тульской области

нослужители и жители, увидевши такое чудо, перенесли св. икону из часовни в храм и на другой день торжественно, при молебствиях, обнесли кругом своих домов и, по молитвам Пречистой Богородицы, Господь избавил жителей от моровой язвы, которая в это время сильно была распространена в нашем Отечестве и от которой умирали тысячи людей»³.

Мы видим, что в повествованиях о прославлении Иерусалимской иконы Богородицы у Доброва и Толгского есть заметное расхождение: отец Василий Толгский полагал, что исцеление приехавшей из Москвы девицы произошло в первой половине XVIII века, за несколько десятилетий до прославления иконы в 1771 году, а отец Иоанн Добров относил оба события к 1771 году. Более убедительной, на мой взгляд, выглядит версия Толгского.

Во-первых, маловероятно, что кто-либо мог беспрепятственно добраться из Москвы до Бронниц во время столь серьезной эпидемии: все дороги в это время были перекрыты. Во-вторых, в случае опасности люди, как правило, приходят к уже известной им святыне. По-видимому, первое чудо — исцеление приехавшей из Москвы больной — произо-

шло задолго до эпидемии чумы, и, стало быть, к 1771 году Иерусалимская икона из Бронниц уже была известна как чудотворная. Поэтому во время эпидемии местные жители прибегли к ее помощи и стали носить ее по окрестностям Бронниц с крестными ходами.

Надо сказать, что в то же время похожая история произошла в Москве: в сентябре 1771 года москвичи стали искать защиты от чумы у Боголюбской иконы Богородицы, с давних пор находившейся на стене у Варварских ворот Китай-города. Перед ней стали служить всенощные и молебны потому, что одному москвичу (он был фабричным) во сне явилась Богородица, сказавшая, что за тридцать лет возле этого образа никто ни разу не совершил ни одного молебна и даже не поставил свечу. За это Христос хотел наслать на Москву каменный дождь, но Богородица упростила заменить каменный дождь трехмесячным мором.

Архиепископ Московский и Калужский Амвросий (Зертис-Каменский), узнав о большом скоплении людей возле иконы и о молебнах, распорядился снять икону и перенести ее в находившуюся рядом церковь Кира и Иоан-

на у Варварских ворот, а собранные пожертвования передать в Воспитательный дом, опекуном которого был архиепископ Амвросий. Архиерей действовал в соответствии с утвержденным Петром I Духовным регламентом, согласно которому следовало пресекать народное почитание ранее неизвестных святынь. Кроме того, он, как и московские власти, опасался распространения инфекции, которое могло произойти из-за большого скопления людей у Варварских ворот. Однако священники, бывшие у Варварских ворот в то время, когда туда пришли посланные архиереем люди, решительно воспрепятствовали изъятию иконы. Тогда архиепископ Амвросий, отложив снятие иконы, распорядился опечатать ящик для сбора пожертвований, стоявший у Варварских ворот, — он считал, что священники специально распространили слухи о явлении Богородицы, чтобы собрать побольше пожертвований и присвоить их себе. Но решение архиерея вызвало всплеск народного возмущения, и 15 сентября начался бунт, жертвой которого стал сам архиепископ Амвросий: 16 сентября он был убит восставшими в Донском монастыре, где он пытался скрыться от гнева толпы⁴.

История прославления Иерусалимской иконы в Бронницах довольно типична: так прославились множество чудотворных икон. Поначалу они были никому не известны, но потом происходило чудо: больной, зачастую много лет страдавший болезнью, во сне получал повеление помолиться перед определенной иконой. Он находил эту икону и исцелялся. Благодаря этому событию, икону эту начинали почитать как чудотворную и это чудо

становилось первым в череде множества последующих чудес. В петровское время почитание только что прославившихся чудотворных икон было поставлено под сомнение: Петр I своим указом от 21 февраля 1722 года запретил «оглашать», как тогда говорили, иконы, находившиеся в частных домах, чудотворными — император считал, что нет уверенности в том, что эта икона действительно стала чудотворной. Несмотря на запрет и вследствие этого запрета довольно настороженное отношение духовенства к новым святыням, в XVIII и XIX веках немало икон прославились как чудотворные и их почитание было утверждено церковной властью.

После того, как икона, прославившаяся чудесными исцелениями, была признана чудотворной, составлялось сказание о ней. Как правило, мы знаем о прославлении чудотворных икон именно из таких сказаний, составленных много лет спустя. Авторы сказаний зачастую ориентировались не только на конкретные предания о той или иной святыне, но и на имеющиеся литературные образцы — в результате мы не можем быть уверены в достоверности подробностей, сообщаемых нам такими сказаниями: многочисленные пересказы вполне могли привести к их искажению. Поэтому очень хорошо, если сведения такого сказания можно подтвердить другими историческими источниками. Это оказывается возможным далеко не всегда, но в случае с бронницкой иконой мы располагаем архивными материалами, позволяющими сделать это и понять, что же происходило в Бронницах во время эпидемии чумы 1771 года.

Продолжение следует

Петр Георгиевич Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. Кн. 15. Т. 29. М., 1966. С. 124–125.

2. Толгский В.Г. прот. Сказание о высокочтимой иконе Богородицы Иерусалимская, что в городе Бронницах Московской губернии. М., 1908.

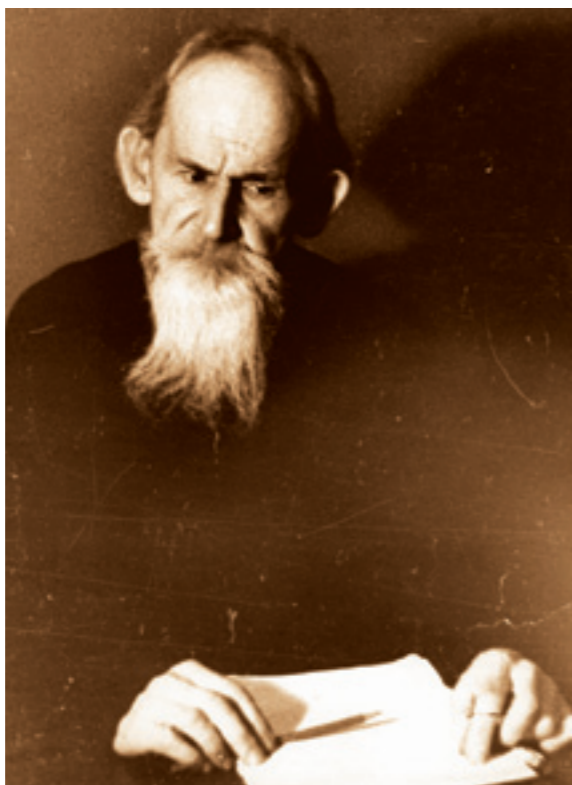
3. Добров И.П., прот. Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). М., 1916. С. 14–15.

4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 15. Т. 29. М., 1966. С. 134–139.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

АНТОНИЙ БОРЗЫХ И ЛИЛИЯ ПЕРФИЛЬЕВА
ДНЕВНИК БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ШЕРГИНА

В начале нашего знакомства с дневниками Бориса Викторовича Шергина хотелось бы привести слова профессора, доктора филологических наук Елены Шамильевны Галимовой, исследователя его творчества. В своей монографии «Земля и небо Бориса Шергина» она пишет о своеобразии языка и уделяет особое внимание дневникам писателя: «В основе языкового богатства Бориса Шергина — безукоризненное, редкое чувство слова, трепетное, благоговейное отношение к нему. Язык Шергина — это язык бережливого наследника, заботящегося о том чтобы ничего из завещанных ему богатств не пропало. Таких сокровищ, обладателями которых он себя чувствовал, таких полноводных равновеликих источников, питавших его язык — три: это живое народное слово (в первую очередь, северорусский вариант народного языка, поморская «говоря»), церковнославянский язык и богатства русского литературного языка. Вряд ли можно говорить о преобладающем влиянии какого-либо одного из этих источников, все они в равной степени важны для Шергина, все участвуют в формировании его языка, образуя сложное и в то же время органичное единство.

Борис Викторович Шергин
1970 год

Язык дневниковых записей писателя, несомненно, является самым естественным для него языком, близким к внутренней речи, представляет собой цельную и отмеченную чертами яркой индивидуальности языковую систему, внутри которой народные слова и речения естественно соседствуют с церковнославянскими и лексикой русской классической литературы. Иногда такое соседство наблюдается в рамках одной фразы: «Эту благостную тишость не может одолеть будничность лязгающего инде трамвая, не могут нарушить повседневные подворотни, мимо коих ступаю обратно». Или: «Тепло и светло на душе, и жить самому легче, и Бога прославишь, как, отряси сон житухин, доброю и здравою мыслью почувствуешь, уразумеешь радостно, какой сегодня день — от». <...>

В целом дневники Шергина в языковом отношении поражают: трудно найти в русской словесности писателя с таким богатым словарем. При этом — ни следа натужности, ни малейшего ощущения искусственности: вся эта разнообразная ярчайшая языковая палитра прочно укоренена в сознании Бориса Шергина, его авторский язык воистину живой»¹.

Читая дневники, всегда надо помнить, в каких сложных условиях и в какие времена

они были написаны. Борис Викторович жил очень трудно, в постоянной нужде в хлебе насущном. Его литературные интересы, глубокая связь с народным словом часто были попросту враждебны общественному мнению той эпохи. Религиозное воспитание и чувство справедливости не давали ему возможности идти на сделки со своей совестью. Он писал искренно, не старался угодить. Многие его работы подвергались цензуре.

В своем дневнике Шергин находится в свободном, не подверженном людскому мнению и политическим веяниям, пространстве. Здесь царит особый, таинственный мир православного человека. Дневниковые записи открывают нам удивительный ход мыслей писателя.

Борис Викторович пишет о людях, живших в прошедших веках, о людях, которые объединены в Церкви. А у Церкви нет границ ни в пространстве, ни во времени. Святые Древней Церкви стоят в одном ряду со святыми Древней Руси. Все едино у Бога. Борис Викторович пишет восторженный гимн вечно юной Церкви Христовой:

«2 июля 1942 года, среда.

...Пусть мрачна современность, ежели я живу во Христе Жизнодавце, для меня живы есть века жизни веры Христовой. Для меня живы века мучеников, и они со мною живы, века преподобных... Да зачем мне по-сесветному, по-земному говорить: эти святыя четвертого века, а эти девятого, а эти пятнадцатого; у Бога нет времени. В Боге все: сейчас все, теперь все, сегодня. И вот я сегодня живу, беседую, радуюсь с Дамаскиным, и с аввой Пименом,

с Паисием Великим, ангелом, и с Паламой, учителем света. И Серафим Саровский смотрит на меня, и Нил Сорский с Амвросием и Макарием Оптинским, и вся Церковь Христова, торжествующая, жива со мною. Во мне жива, и ликую я о дивно живущем во мне мире благодатном. О, милость Божия о нас! Песчинка я, пылинка я, ничто я перед этим великим, необъятным миром, перед Богом, перед Церковью Божией, а оно все в моем сердце вмещается...»²

«28 января 1945 года,
воскресенье.

Церковь — земля хлебородимая, плодородная. Если томится твоя душа в сем житии, желанием чудным полна, знай, — только Церковь утолит чудную оную тоску. Нету зимы в Церкви, но всегда лето благословенно-плодное. Вот январь месяц круга церковного, бытия годичного. Точно нивами идешь золотыми, спеющими. Се поля Васильевы вседозволенные, се Григорьевы хлеба вечнующие, се Иоанновы красуются нивы сладкие словес золотых. Январь месяц, а в Церкви живя, что лугами ароматносными ходишь. Тамо цветы

Рисунок Б. Шергина
из собрания наследников И.И. Халтурина

Антония Великого, а тамо — Феодосия, здесь Ефрема Сирина луга благоуханные, а вот цветы Евфимьевы... Макария Египтянина. И философ Нисский, брат Васильев, и юный кущик Иоанн, и божественные Кирилл с Афанасием. Столпы Церкви и доброта ея.

В сем соборе зимне-январском, но жаркого паче солнца и паче огня и угля будни скаредные испепеляющем, и от Святой Руси видим крины благие и вечные. Серафим Саровский, Феодосий Тотемский,

Павел Обнорский, святитель Филипп. Ефрема Сирина нилоструйные источники слезные. "Час предвидя суда, рыдал еси горько Ефреме", — поет Церковь. И нас к плачу зовет Ефрем. Но выплаканые с Ефремом слезы всю муть житейскую унесут. Ефремовы слезы в нас золото чистое отмоют. Ах, сладкая радость на дне слез, с Сириным оным выплаканых. Ведь Ефремовой речью молимся мы, сладкие оные сказывая слова: "Господи, Владыко жизни моей! Дух праздности..." Ты и ныне молился о нас, звезда всемирная, превысочайшая»³.

Множество тем затрагивал Борис Викторович, одна из самых важных для него — это тема времени и памяти. Он смотрит с позиции православного человека, знает, что у Бога нет прошлого и будущего. Только мы, люди, разделяем времена, часто отправляем в забвение не нужное нам прошлое, свои грехи и ошибки. Думаем, что они ушли и больше не вспомнятся нам. В дневниковых записях 1939 года есть мысли о нашем человеческом, обывательском восприятии: что есть «новое» и «старое».

«Сто лет для жизни в Церкви ничто, и двести ничто. Например "петровское" — это уже как бы наше. Но триста лет, XVII век — это уже древность. Прискорбно это конечно. Там — то самое "наше". Но после петровских людей как бы больше понимаешь. Они уже как бы современники. Они уже на твоём корабле. А там все "древние". "Там" все "разительно" отличается от жизни, от быта, скажем, столь близкого нам века XIX, в недрах которого мы родились. (Деды наши родились из недр XVIII века). Вот, как художник и как убогий, но все же именующий себя сыном Церкви, люблю, скажем, град Сергиев, Лавру преподобного Сергия (сокровищницу и искусства и веры). Но кипение ее, центры тяжести ее ведь вот куда надо отнести — к преподобному ее основателю, к его ученикам, к Дионисию XVI века. Вот где основной акцент Лавры.

Цветуща была сия сокровищница и в последующие века, но, как бы утомясь

и убоясь величием и роскошью сей святыни древней, центральной, исторической, героической, знаменитой, иное робко ищет душа.

Бремени веков, бремени истории "суеверно дивится посетитель". Отчасти вот почему возникают новые и новые обители. Да и простодушный человек любит, что поближе. Древние преподобные... их издревле навывали знать в серебре.

Перечел написанное и смутился. Лишь плод утомленного ума эти умозаключения... неужто только музей присносыющая лавра Сергиева?! Неужто не жив богоносный отец наш Сергей... Никон... Дионисий?

Нету "древнего" и "нового" в вере Христовой. Вечно юнеет Церковь Христова и все, что в ней и от нее. Нету времени в Боге. Не стареет ничто, во Христе живущее»⁴.

«...Относительная вещь время. Оно только для этого болеющего тела существует. А так, вообще, времени нет. Условно это счисление времени. Онтологически не время проходит, а проходим мы. То есть вот это участок бытия своего в теле измеряй, а как в вечность канешь, дак пустое дело — вычислять. Особливо об отшедшем, канувшем в вечность. Там 1000 лет, яко день един. Там, в пучине вечности, и IX век со светилами его все одно, что XIX век. Там они живут без календарей, без дат, без численников, без годов. Там Иоанн Златоуст со святителем Филаретом Дроздовым беседует, Дамаскин с Тихоном Задонским, Антоний Великий с Серафимом Саровским...»⁵

Борис Викторович пишет в дневнике и о своей сокровенной мечте, о монашестве. С великим смирением он описывает свою жизнь, считает себя слабым, незащитным, погруженным в тяжелую обыденную жизнь. Называет себя «обывателем — Иван Иванычем». В дневниках, написанных в годы Великой Отечественной войны, писатель ищет поддержки, но не у людей, а у Бога. Его мечта об иночестве, о пребывании в «полку иноческом» вместе с сильными духом, укрепляет его. Он собирается на войну — духовную брань, против сил зла. Он очень остро чувствует необходимость

молитвы, усиленной собором всех преподобных отцов прошедших веков. В мировосприятии Бориса Викторовича монахи минувших веков продолжают жить вместе, творить молитву о мире. В этот спасительный «полк иноческий» так стремится израненная душа писателя.

«23 сентября 1941 года. Давно люблю думу мою, мечту мою об иночестве. Все мне тут любо. Уж не знаю, как проживу оставшие-то дни, может, наскитаюсь еще, намаюсь. А хочу, чтобы называли — хоть на смертном-то одре: инок. Хочу, чтоб на родине (может, мне там и не бывать) знали, что такой-то умер в монашестве.

У староверов Севера древняя осталась идея: окрестят в старую веру и имя дадут "христианское". Но "мир" не ведает, не знает, не подозревает, что эта Матрена Ивановна, скажем, вовсе не Матрена, а София. Тем более и живет — то эта Ивановна, как всегда жила среди всех. А помрет, и люди на отпеве слышат, что поминают "какую-то Софью".

Вот хотя бы в какой-то мере, хотя бы в этих планах и я хотел стать: ну... Исихий или Варнава...

Тут я говорю о любовании иночеством. Звание иноческое почитаю я величайшим, честнейшим и знатнейшим всех званий человеческих.

Будучи Иван Иванычем, худо я живу, худо я и брату моему служу. Весь я слаб, и уныл, и незащитен, "ни Богу свеча, ни черту кочерга".

А вот сподобил бы меня Бог чина иноческого, и я бы как в рыцари себя счел посвященным.

Рисунок Б. Шергина из собрания семьи Шульман

Так, я ничто, а будучи иноком, смотри-ко, в какой бы я полк зашел. Иноки святые Египта, Сирии, Святой Горы Афон, Киево-Печерской, Троице-Сергиевой лавры и всей нашей Северной Фиваиды мне бы помогли. Я был бы хоть всех уж сзади, да в том же стаде!

Киевский князь встарь метлой хотел быть у ограды Лавры Киево-Печерской.

Ино я хоть последней крапивой, да в монашеском огороде.

Будь бы я монах, я бы "твердую ориентировку" имел. Сам-то для себя я опору в себе бы чувствовал. Знал бы, что мое, что не мое, что надо

мне, что не надо, что вредно, что полезно. Я знал бы, кто я. Шагал бы твердо. А покуда я Иван Иваныч, мне все можно. Не знаю, кто я: ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса.

Почему Иван Иванычу не развратничать по маленькой, почему ему не скандалить, не обжираться, не врать, не красть, не клеветать, не блудословить, не болтать языком впустую, не сплетничать.

Зачем Иван Иванычу рано вставать для молитвы, зачем ему какое-то правило?

Иван Иваныч — обыватель. Может знать, что сегодня праздник, может и не знать. С него не спросится, если он мяса в Великую Пятницу поест...

А будь я инок, тут шабаш болтаться. Четкий устав — правило поведения дан. Мрак от света разграничен. Добро и зло разделены.

Бурно море житейское, да ясно берег виден»⁶.

Через несколько лет Борис Викторович пишет о своей заветной мечте в следующей дневниковой записи:

«6 января 1947 года. Все мечта — та; в дальней бы пустынной обители остатние дни провести. Лес бы кругом и в церквике чин богослужбный истово, каждодневно иноками правился... Надежнее в себе самому келицу да и церквигу готовить. Счастье в нас, а не вокруг нас. Не где-то в лесу я многи годами навик самонравно и мечтательно определять Бога и Церковь, так привык жить своими настроениями — и не тронь меня, — что и не сойтись мне ни с кем»⁷.

К святым преподобным отцам у Шергина особое чувство. Это христианское, незамутненное отношение к святым — любовь! Он их почитает не формально, не требуя от них каких-либо благ или исцелений, любит, не ожидая чудес.

«Люблю святых Божиих угодников Севера, своего родного края. Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский, Кирилл Белозерский и многие, многие... Но вот живу в Средней России два десятка лет, и уж близки стали не только, например, божественный Сергей и Никон, его ученик чудный, люблю уж не только святых общеименитых "всея России чудотворцев": Серафима и прочих великих, не только люблю Оптинского Амвросия и Льва, и Макария, и Антония, и Анатолия в Оптиной подвизавшихся, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского. Их все знают и ублажают. Везде их лики. О них мог бы как-то и на Севере узнать.

Живя в Средней России, люблю, полюбил и по брату⁸ ставшего близким сердцу моему Савву Звенигородского. И кто еще? Да всех

Рисунок Б. Шергина.
Платон, митрополит Московский

загорожено. С кораблями они плывут, обороняют попавших в относ на льдинах, видят их у руля, направляющих в гавань шкуны⁹, видят с веслом правильным на краю льдины. Угодников Соловецких Зосиму, Савватия, Германа, Иринарха, Елеазара, святителя Филиппа (Колычева) в XVII, XVIII, XIX веках видали многожды на судах, стоящими, как мачты, с мантиями, наполненными ветром, проводящими гибнувший корабль в гавань»¹⁰.

Образ моря, плывущего корабля, тихой гавани часто присутствуют у Шергина. Дневник писателя становится корабельным дневником. Сам Борис Викторович плывет на своем церковном корабле по бушующим волнам житейского океана. Ищет тихую пристань, чтобы передохнуть от житейских трудностей и невзгод. И такой тихой пристанью для него является Церковь Христова.

Богослужение, вот куда он стремится всегда, в любую погоду на своем деревянном протезе с железной клюкой в руках по Московским улицам и переулкам.

Идя по городу (Борис Викторович в дневниках Москву называет просто «город»), Шергин восхищается красотой Божьего мира, умея подмечать малейшие изменения в природе. Тяготит его своей разрушительной силой город, давят людская суета и скорби. И только храм Божий спасает

святых угодников, что в старых московских градах и обителях почивают.

А святые угодники Севера рисуются мне: море шумит, белые парусы. И они: Зосима и Савватий, Елисей Сумский, Герман, Иринарх; Пертоминские Вассиан и Иона, Яренские Иван и Логгин... Везде они по северным морям. Они как чайки, нигде им не

от окружающего греховного мира, дает ему силы жить и творить. Об этом в дневниках военных лет Шергин пишет:

«8 июля 1942 года.

Казанская Божия Матерь. Вторник. Город лежит растлен, лежит пластию, в расстил, лежит втопан в грязь, смешан с прахом. Страшное многомогильное кладбище стал город.

Сквозняком выдуло душу. Опустошенные, прозябаем еще, кишим так же, как жуки в навозе, как черви под доской.

Но... воскресни Боже, суди земли... Но... вот сегодня стоял я в переулке, в пыли, внизу. А надо мною возносился хором Божий. Я глядел, поднимая лицо, и — ничего в мире не было: только белый хором Божий да лазурное небо с серебряными облаками. Как мачта корабля, возносился ввысь крест Господень, плыли облака. Но мне глядшему вверх, казалось, что это хором Господень плывет как корабль.

Помню то же ощущение два года назад у Троицкой вечерни, в граде Преподобного Сергия. Я стоял во дворе Ильинской церкви. Но там природа, дали, окрестность как бы предстояли и молились с народом. Здесь "мир сей", растление городское. Не знают праздника. Под церковным холмом гнездилися "мир сей", слепые многоэтажные корпуса. И одиноко высился над ними дом Божий.

И чудо Божие совершалось еще в мире; еще преславное благодатное чудо совершалось над городом...

...И в отверстые окна алтаря, как белые голуби, вылетают иерейские возгласы и, серебрясь, и ширясь на крылех, плывут над городом как благословение, как "мир всем" Церкви Христовой...

Лязг, скрип, визг, как унылый вой, стоит над городом, но в этом денно-нощном гуле города — и вопль отчаяния, и рыданье безнадежности, и слезы лютой скорби. И плач, и скрежет зубом, ад заживо в бредовой этой лихорадке нового Вавилона.

Но, о чудо Божие! — явственно, во ушью всем несутся над городом слова: "Благодать

Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами"... Благословляет иерей в этот миг народ, и в отверстые западные двери видны и ему оттуда эти бесчисленные теряющиеся в далях крыши домов. И далеко, далеко он шлет свое благословение, благодать Господа Иисуса Христа и любовь Отца...

Шлет свое всемогущественное благословение Церковь Христова в час святой...»¹¹

«26 февраля 1943 года.

Улками-переулками — все слило в корку ледяную. Только держись! В переулках народишко (старух больше!) посреде дороги бродит. С крыш срыто, а худо убрано на тротуарах-то. Инде горбом натоптано, инде и вода. А инде пообсохло у домовых-то пят, чистенько по-весеннему. Какая-нибудь старуха-говельщица, валенки на тротуар не помещаются, до того наподошиваны, лепится по сухому-то...

Ежели хоть на малые минуты падет веселье на сердце тебе, идущу к службе Божьей, знай, что это ангел Божий шаги твои считает. В этом разуме и сказано в патерике. Хорошо если есть у тебя триодь постная. И по триоди с каждым днем побеседуй. Мне вот книгу разбирать горе стало, не вижу строк...

Великий пост, службы церковные... Ходи весь март себе»¹².

Через несколько лет после войны Борис Викторович возвращается к своим наблюдениям, которые он собрал, ходя в храм на богослужения переулками Москвы.

«26 марта 1948 года. Четверг.

Много лет проводил я в пору Великого поста, пору предначатия весны в городе, из года в год бредучи к "ранней" или к вечерне, вылавливая "настроения" старых переулочков, вытаскивающих камней старого города, ручейков, бегущих с какой-нибудь Ивановской горки.

Старая церквигу на обтаявшем бугре. Ряд старух у огады, подставивших горбы вешнему солнцу...

Уж сколько лет хожу я по этим переулкам к Мефимону, "40 мученикам", к "Вербному

Изображение пустыни Великопоженския, иже на Пижме реце

воскресенью", к "Двенадцати Евангелиям" и к заутрени Светлой. Эти домишки так ласковы, после зимы-то, таращатся подслепыми окнами на солнышко. Обсохшие тротуары, омытые недавними ручьями, таявшими снегами мостовые еще так чисты. Еще нет пыли, еще уютится по дворам, по углам остаток снега. Еще так ясно, непорочно чисто небо над городом.

...Раным-рано бредешь с железной клюшкой Подкопаевским переулком в конце марта. Лужицы захвачены утреничком, хрустит шелковисто ледок»¹³.

«6 апреля 1946 года. Великий Пяток. Поздний вечер, а за домами стоит еще тихая заря. По переулкам в весенних лужах отражается золото неба и деревьев. Тишина ранней весны над городом. Она могущественнее городского шума.

Днем над грузными, унылыми домами небо столь хрустально-чистое, лазурь бледно-голубая, в легких, как кисея барашках... Стоишь, забудешь, что твой трамвай подошел... Какая тишина блаженная там, за городом. Тишина полей, еще не просохших... Грачи прилетели.

Днем был у плащаницы. Церковь набита людьми, нельзя и свечечки зажечь. Над головами тихо движется плащаница. Дребезжа, клямкают колокольцы на клиросе. Век бы душа моя слушала напев "Тебе, Одежавшаяся светом яко ризою". Напев торжественный и печальный, мелодия сладкая и прекрасная. То как бы мать тихо и нежно напевает над уснувшим ребенком, боясь его разбудить, то как бы весь род человеческий, видя свое спасение, возносит хвалу "смертию смерти Поправшему".

Уж как одолевают болезни, печали, воздыхания, но сквозь всю тяготу стремится мысль к Единому Любимому. Вечная наша любовь, Христе Иисусе, Свет мира!..

Я живу, мучаюсь, но вот Творец и Зиждитель мой распят на кресте, терны впились в Его чело. Вот Он лежит предо мною во гробе, и я целую язвы Его пречистых ног.

Свете мой, Господи мой, ради меня претерпел Ты оплевание, и заушение, и распятие, и лежишь во гробе.

Помоги мне с Тобой воскреснуть!»¹⁴

В дневниковой записи 1968 года мы читаем глубокие, прочувствованные слова. Это

обращение к людям, призыв взыскать Христа, обрести Его свет в своем сердце, воскреснуть духовно и телесно, помнить, что за каждого из нас Христос пролил свою Кровь, омыл наши грехи!

«23–29 августа.

Помни. Из начала мира звучит откровение Библии: Бог сотворил человека по образу Своему и подобию. Взяв тело от земли, Бог вдохнул в это тело "душу живую". Бог наделил человека Своими божественными свойствами и, во-первых, бессмертием.

В Пасхальную ночь не слышим ли мы Благовест: "И Свет во тьме светит, и тьма его не объят".

Тысячи людей, заполняющих площади и проулки вокруг, переполняющих церковь в Христову ночь, не свидетельствуют ли о том, что Его лик светел на Руси.

Возьми крест, падай под тяжестью его, да опять неси. Гляди, впереди тебя на Голгофу идет Сам Христос.

Человеку, взыскующему Христа, суждено претерпеть и Голгофу. И тогда наступит

воскресение. Еще здесь на земле. Тогда еще, когда ты в теле, в плоти, найдет тебя Пасха Великая. Когда откроются у тебя очи и слухи сердечные, тогда в Пасхальную ночь узришь дивное чудо Божие на Земле, узришь Христа, сияющего светом Воскресения. Ясно услышишь из уст Его слово, обращенное к тебе: "Радуйся!" Ликуя и радуясь, запоешь победную песнь: "Христос воскрес из мертвых!"

О, человече! Изучи на память, непрестанно припевай душе своей канон Пасхи и тропари. Держи в памяти чины пасхальные, и звоны, и сияния свечей, и бряцания кадил, и целование: "Христос воскрес!"

Христианство есть Церковь Соборная. Без соборности, без литургического общения нет Церкви. Но к каждому из членов этого собора Церковь относится как к личности самостоятельной. Христос каждого из нас омыл своею кровью...

Возьми на себя подвиг, унылый преогорченный человек, отряхни мрачный сон. Возьми иго, возьми бремя, реченное в Евангелии. Возьми на себя крест...»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Галимова Е. Ш. Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск / Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 184–186.

2. Шергин Б. В. Праведное солнце. Дневники разных лет / Подготовка текстов дневников, статья «Сокровенный Шергин», краткая библиография — Галимова Е. Ш. СПб.: Библиополис, 2009. С. 81–82.

3. Шергин Б. В. Собрание сочинений. М.: Изд. центр «Московведение», 2014. Т. 3. С. 143.

4. Там же. С. 15.

5. Шергин Б. В. Праведное солнце... С. 48–49.

6. Шергин Б. В. Собрание сочинений. С. 28.

7. Там же. С. 325.

8. «Братом», «братишкой», «названным братом», «брателкой» называл Шергин Анатолия Викторовича

Крога, своего родственника (их матери были двоюродными сестрами), самого близкого по духу ему человека; с момента переезда Шергина в Москву (в 1922 году) и до конца жизни Крога они жили вместе. Примечание из книги: Б.В. Шергин. Праведное солнце... С. 656.

9. В сборнике «Океан — море русское» Шергин дает такое описание: «Шкуна» — вид морского парусного судна; строилась на севере в XVIII–XIX веках. На шкунах поморы плавали почти до наших дней.

10. Шергин Б. В. Праведное солнце... С. 52–55.

11. Там же. С. 84–85.

12. Там же. С. 105–107.

13. Там же. С. 483.

14. Там же. С. 365–366.

15. Там же. С. 590–592.

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

С.П. МОЛИТВА АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ

Хранитель мой, незримый Ангел Бога,
От первых лет наставник мой в трудах.
Помощник мой до смертного порога,
Заступник мой пред Богом в небесах!

Ты плоть мою врачуешь от недуга,
Ты душу мне хранишь от мыслей злых;
И в мире нет нигде такого друга,
Как ты, святой сопутник дней моих!

А я тебя так часто принуждаю
Стоять вдали, с печалью обо мне:
И день и ночь тебя я огорчаю
В словах, в делах, в толпе, наедине...

Я жизнь влачу в заботе ежедневной,
И о тебе мне даже вспомнить лень;
А ты, благий, в нужде моей душевной
Готов помочь мне всякий Божий день.

Не раз в уме, среди недоуменья
И тщетного усилья до утра,
Как молния, являлись выраженья,
Мысль светлая и проблески добра.

Все это ты, Дух пламенный и быстрый,
В мой темный ум вводил лучи свои;
Все это ты бросал мне в сердце искры
Из пламени Божественной Любви!

Не только мир дает мне искушенья,
В самом себе я чувствую врага;
О, принеси мне силу исправленья,
Мой щедрый друг, Всещедрого слуга!

Воспламени мне сердце умиленно,
Чтоб во грехах, болезненно скорбя,
Пред Богом я покаялся смиренно
И истинно обрадовал тебя.

Чтоб я в слезах повергся перед Богом,
Излил благодарение Ему,
Что Он, в любви и милосердьи многом,
Послал тебя к спасенью моему!

Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх
(Денисов)
Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений
Саранча

Дизайн и верстка: Я. Хореза
Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков,
В. Каменская
Фото: иерей Максим Мальцев, В. Разумов

Дорогие читатели, низжайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.